

што-небудзь – назіраем перасячэнне семы ‘прыкладаць намаганні’. У беларускім слове *zakażać* у сучаснай мове знікла старая сема і развіліся новыя *zakażać* – забараніць; *zakażać*¹ – 1) даць заказ на што-небудзь; 2) даць наказ, апаваючыць; *zakażać*² – *ustar.* забараніць.

Паводле сабранага фактычнага матэрыялу, можна зрабіць вывад, што ў беларускай і славацкай мовах часцей за ўсё ў аманімічны адносінны ўступілі толькі асобныя значэнні слоў, якія адрознююцца эмацыйна-экспрэсіўнымі або функцыянальна-стылістычнымі канатажамі: *chárať* – 1) раўмець, добра ўспрымаць; 2) праяўляць паважлівыя адносінны да каго-небудзь, суперажываць; *chárať*² – хутка, паспешна што-небудзь браць у рукі, лавіць; *chápať* – *разм.* браць, прысвойваць што-небудзь незаконна; крэдзіт; *chápať* – 1) рэзкім, парывістым рухам рукі браць, захопліваць каго-небудзь, што-небудзь; 2) *разм.* лавіць, браць сілай, пазбаўляць волі каго-небудзь; 3) *перан.* *разм.* прагна, хутка ўспрымаць, засвойваць, лавіць (органами папачуццяў, розумам і пад.); 4) з прагнасцю купляць усё без разбору. Як відаць, у беларускай і славацкай мовах існуюць дзеясловы *chápať* у прыблізна аднолькавых значэннях – гэта сінонімы, аднак у беларускай мове адсутнічае падобнае слова з семамі ‘разумець’ і ‘суперажываць’, менавіта па гэтай прычыне лексемы *chápať* са славацкай і беларускай моў мы кваліфікуем як аманімічныя. *Rozbúriť* – 1) надаваць моцны рух, пульсаваць; 2) *exgr.* мучыць, ўзбудзіць, усхваляваць; *rozburýť* – 1) разбіць, паламаць, разваліць, ператварыць у руіны; 2) *перан.* загубіць, знішчыць, расстроіць. *Sniť kús.* *Sniť at* што-небудзь уўляць, марыць; *sniť* – 1) бачыць сон, сачыць у сне; 2) *перан.* марыць пра што-небудзь, спадзяюцца на што-небудзь.

Відавочна, што асацыяцыі, якія ўзнікаюць у людзей у роўных месцах і мовах не могуць быць абсалютна аднолькавымі. Напрыклад, у беларускай мове дзеяслова *badáť* у сучаснай мове засталася толькі сем.1 ‘біць ілбом, калочы рагамі’, хаця ў чэшскай, славацкай, лужыцкай, польскай, старажытнаруускай і ўкраінскай мовах прысутнічалі сем.1 ‘даследаваць, выпрабавваць’, у балгарскай – ‘адчуваць востры боль’, у славенскай – ‘шпаць’ і інш. [5, вып. 1, с. 121–122], а ў сучаснай славацкай мове слова *badáť* ужываецца са значэннем ‘бачыць, заўважаць’, лексе. а з першым доўгім галосным [á] – *bádať* замацавалася са значэннем ‘даследаваць’. Менавіта гэта праблема неўраўнамернасці семантычнага развіцця этымалагічна аднолькавых слоў і іх аманімічнае супрацьпастаўленне ў блізкіх мовах цікавяць нас у першую чаргу. Этымалагічную блізкасць, напрыклад, паўярджаюць словы *kapatiť* у беларускай і славацкай мовах, узнікшыя ад стараславянскіх *kapati* і *kapiti* са значэннем ‘ускопваць, рыць’ і ‘капаць, падаць’ [5, вып. 11, с. 118; вып. 10, с. 144]. Яна праяўляецца ў сем.1 ‘біць’, што захавалася да нашых дзён у падобным дзеяслове са славацкай мовы і некаторых іншых славян-

скіх мовах [5, вып. 10, с. 145]. Так, у сучаснай славацкай мове слова *koratiť* мае семы: 1) рыць зямлю матыкай; 2) выбіраць зямлю з глыбіні; 3) выбіраць зямлі ўраджай або карысныя выкапні; 4) хутка рухаць нагамі, б’ючы аб што-небудзь або да чаго-небудзь; 5) ударам нагі прымушаць рухацца што-небудзь; 6) *разм.* *exgr.* псаваць што-небудзь; 7) *exgr.* зневажаць, прыніжваць каго-небудзь. У сучаснай беларускай мове існуюць аманімічныя дзеясловы *kapatiť* і *kapitiť*. Слова *kapatiť* сустракаецца са значэннямі: 1) размакчаць, рыхліць зямлю; ускопваць; 2) выкопваць, даставаць што-небудзь зямлі, а капаць – 1) падаць кашлямі; 2) ліць, наліваць кашлямі; 3) *перан.* даносіць, нагаворваць.

Такі чынам, моўная творчасць людзей, якія рассяліліся і сталі пражываць на розных тэрыторыях, а ў выніку пачалі па-рознаму бачыць і ўўляць іх аманімічныя семы, а значыць карыстацца іншымі вобразамі, паспрыяла размакчэнню і развіццю новых значэнняў і знікненню старых сем у падобных словах. Гэта прывяло да з’яўлення міжмоўных амонімаў, паронімаў і сінонімаў і дало пуршок для развіцця сучасных моў.

Літаратура

1. Капеліч, Е. І. К праблеме беларуско-славацкай омоніміі // *Národné ekvivalenosti VI: zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie rusistov, kopanej 12.–14. septembra 2012 na Katedru IRUS FF PU v Prešove*. – Prešov: Filozofická fakulta, 2013. – S. 112–124.
2. Слоўнік сучаснай славацкай мовы: <http://slovniky.korpus.sk/>.
3. Глумацкія слоўнікі беларускай мовы: <http://www.skatnik.by/bsbm/14089/>.
4. Хуцішвілі, С. Дж. Славянскія межязыковыя омонімы: *Дис...* Ара филології / С. Дж. Хуцішвілі. – Тбілісі, 2010. – 169 с. <http://www.press.tbilisi.ge/GEO/nteme/disertaceti/S.Khutsishvili%20Disertacia.pdf>.
5. Этымалагічны слоўварь славянскіх языков: Праславянскі лексічны фонд. Москва: Наука. Вып. 1 – 38. 1974–2012.

Камлевіч Г. А.

(Мінск, Беларускі дзяржаўны педагогічны ўніверсітэт імя Максіма Танка)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ»

Изучению феномена языка В. Набокова сегодня уделяется немало внимания, причем встречаются противоположные мнения о «русскости» писателя, о «недосягаемой высоте» его русскоязычной прозы, об «ослепительном блеске набоковского литературного стиля на английском», о нахождении романов писателя «вне большого русла русской литературы». Н. Андреев отмечал, что «в формальном смысле у Сиряна – синтез русских настроений с западноевропейской формой» [1, с. 330]. Это обусловлено многими причинами.

Как известно, в состоятельной дворянской семье В. Набокова свободно использовались три языка — русский, английский и французский, поэтому писатель очень хорошо владел ими с детства. По различным причинам В. Набоков жил в разных странах — Германии, Франции, США, Швейцарии. В одном из интервью В. Набоков писал о себе: «Я американский писатель, рожденный в России, получивший образование в Англии, где я изучал французскую литературу перед тем, как на пятнадцатилетнем возрасте переехать в Германию... Моя голова разговаривает по-английски, мое сердце — по-русски, и мое ухо — по-французски». В связи с этим в творчестве писателя не могло не проявиться взаимодействие разных языковых систем. Картина мира В. Набокова объединяет в себе русские, французские и английские фрагменты, предопределяя специфику набоковского идиостиля. Синтез русского и западноевропейского проявляется во всех произведениях В. Набокова, в том числе и в романе «Приглашение на казнь».

Преобладающим в романе является русский культурный компонент. В тексте есть прямые указания на национальную принадлежность героев: *красивое русское лицо; наградил ее круглым русским словцом; говорю вам русским языком*. Также встречаем характеристику русской звучащей речи: *...это ведь не должно бы, не должно бы, не должно бы было быть, было бы, — только на коре русского языка могло вырасти это грибное губное сослагательного...* [3, с. 159]. В романе находим употребление названий букв старого русского алфавита (*ижца, твердо, покой*) с обобщающим компонентом: *Тупое «тут», подпертое и запертое четкою «твердо» темная торьма, в которую заключен неуменно воющий ужас, оежж и меня и теснит* [3, с. 81].

Как правило, национально-культурный компонент реализуется в художественных произведениях на уровне культурно-исторических реалий, предметов и понятий традиционного быта, устойчивых выражений, имен, предедентных имен, специфических реминисценций, игры слов, которая возможна только в данном языке.

К культурно-историческим реалиям, представляемым в романе «Приглашение на казнь», относятся названия игр: *Герои играли в мяч, в свинью, в карамору, в чехарду, в малину, в тыче, в ся, в якорек*. Интересно, что в данном ряду упоминаются и русские игры, и западноевропейские. Например, игра *тычь* — «сиб. игра в свайку, или в ножи, втыкают ножик броском в пол» [2, с. 447]; авторство игры в *гуса* принадлежит одному из герцогов Медичи, который в XVI веке подарил ее испанскому королю Филиппу; с тех пор игра стала очень популярной в Европе. Встречаем в романе игру *бильбоке* (фр. *billouquet* — игрушка), которая была очень распространена

в XIX веке во всех странах Европы, Северной и Южной Америки, а также в Японии.

К предметам и понятиям русского быта относятся представленные в романе названия одежды и ее элементов (*зипун, косоворотка, куколь, кушак*), единицы измерения расстояния (*сажене, верста*), русских продуктов и кулинарных изделий (*сало, бублик*), специфические формы обращения к собеседнику (*сударь, барыня, батюшка*). В обозначении одежды встречаем также французские (*панталоны, гетры*), немецкие (*шляфрок, браденбург*), английские (*ватерпруф, макинтош*) лексемы. Среди слов, связанных с приемом пищи, находим французские *сабайон, рагу*, английское *пудинг*, немецкое *фриштык* (завтрак). Один из героев произведения именуется украшенной формой французского обращения к собеседнику — *мсье*.

В романе широко представлены русские разговорные, просторечные диалектные элементы (*жонка, нонче, тытька, покамест*), постоянные эпитеты (*девица красная, красный день*), устойчивые выражения (*хлопот полон рот; сам с усам; друг сердечный, таракан запечный*). Находим трансформированные русские фразеологизмы: *свернулся в бараний рог; когда на душе кошки, простите за выражение, скребутся*.

Большинство имен собственных, функционирующих в романе, имеет русский характер. Это проявляется на уровне именования персонажей (*Аркадий Ильич, Марфинька, Никита Лукич*), топонимов (*Матихинская, Вышнеград, Интересная площадь*), названий печатных изданий (*Доброе утрочко*), «Голос публики»), предедентных имен (*Лушкин, Толстой*). Представлены и нерусскоязычные онимы: *Цициннат, Децилия, Пьер, Quietus*. Упоминается комический персонаж французского кукольного театра — *Полишинель*, который важен в философском плане произведения, так как является тезкой Пьера — палача и антипода главного героя.

Встречаем в романе аллюзии на русские литературные тексты: *ты, как в поэтической древности, наполни бы сторожей, выбрав ночь потемней* (намек на стихотворение М. Ю. Лермонтова «Соседка»); *пишу я темно и вяло, как у Лушкина поэтический дуэлянт* (А. С. Пушкин «Евгений Онегин»); *о, как на склоне... и суеверней...* (реминисценция стихотворения Ф. И. Тютчева «Последняя любовь»).

Название романа, вероятно, восходит к стихотворению французского поэта Ш. Бодлера «Приглашение к путешествию», творчество которого любил и переводил В. Набоков. В контексте произведения находим много галлицизмов — это и придуманный писателем эпитаф, и варваризмы в речи директора тюрьмы, и отдельные слова (*бланжевый* — телесно-желтого цвета; *изабелловый* — буланный, светло-коричневый; *арьер* — назад).

Русский контекст романа проявляется в языковой игре, основанной на метагезах, окказионализмах и звукописи: *связали бы мне фаришик; сомей не очкнул; угощу вас нашими вышивками* (от названия города Вышнеград) *мрик – мрак; блевал бледный библиотекарь*. Интересно включение в роман псевдоитальянской фразы *Mai e trano t'atesti*, из латинских букв которой составляется главная мысль романа: *smert' mila eto taina*.

Таким образом, в романе В. Набокова «Приглашение на казнь» преобладающим является русский национально-культурный компонент. Тем не менее в своей писательской практике автор соединяет элементы западноевропейской и русской культуры, реализуя при этом собственный полилингвизм.

Литература

1. Андреев, Н. Сирин / Н. Андреев // Набоков, В. В.: Pro et contra: в 2 т. / Б. Аверин, М. Милкова, А. Долинин. – СПб.: РХГИ, 1999 – 2001. – Т. 1. – 1999. – С. 230–236.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 1989–1991. – Т. 4: Р – В. – 1991. – 683 с.
3. Набоков, В. Приглашение на казнь: роман / В. Набоков. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 192 с.

Козьрев Л. И.

(Минск, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка)

ОРФОЭПИЧЕСКАЯ НОРМА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В системе норм литературного языка орфоэпическая норма занимает особое место, так как это норма устной речи. Лишь в отдельных случаях о ее нарушении или соблюдении может косвенно свидетельствовать орфография. Так, например, написания *леньсия, дермантин* нарушают орфоэпическую норму, но если первое может свидетельствовать о том, что орфоэпическая норма будет соблюдена, то второе не обязательно говорит о ее нарушении, так как [н] может восприниматься как непроизносимый согласный.

Жизнь человека предполагает ежедневное общение с друзьями, коллегами, семьей, спонтанные беседы и запланированные выступления. Устную речь мы слышим с экрана телевизора, при поездке на транспорте, в магазине и на работе... Учитывая вышеизложенное, понятно, что именно с орфоэпической нормой и ее нарушениями мы сталкиваемся чаще всего.

Орфоэпия (греч. *orthoepeia* от *orthos* – прямой, правильный и *epos* – речь) – это совокупность исторически сложившихся произносительных норм: произношение тех или иных звуков в определенных фонетических позициях, сочетаниях с другими звуками, в группах слов или даже в от-